

## КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 94:069(5)

DOI: 10.17223/22220836/38/20

**Н.М. Дмитриенко, И.А. Голев**

### **О БУДДИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГРИГОРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОТАНИНА**

*В статье, посвященной 185-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти выдающегося русского исследователя Г.Н. Потанина, рассматривается его музееведческая деятельность, направленная на выявление, сбор, изучение и экспонирование предметов, характеризующих материальную и духовную культуру буддистов. Использование источников личного происхождения, исследовательских и публицистических работ Потанина позволяет в деталях проследить формирование его интереса к буддийской культуре, показать научную значимость собранных им памятников буддийского наследия.*

*Ключевые слова: Г.Н. Потанин, музейное дело, коллекционирование, памятники буддийской культуры.*

Григорий Николаевич Потанин по праву считается одним из крупнейших исследователей Азии, им были собраны богатейшие материалы о природе и населении азиатского региона. Недаром научная деятельность Г.Н. Потанина привлекает внимание многих исследователей [1–5]. Однако многоплановость и масштабность потанинских трудов не дают охватить их сразу и в полной мере, как следствие, за пределами исследовательского внимания осталась такая важная сфера деятельности Потанина, как коллекционирование, в частности, собирание и изучение памятников буддийской культуры. В год 185-летия со дня рождения и 100-летия смерти великого ученого считаем необходимым раскрыть явно недооцененную тему, выяснить истоки научного интереса к буддизму и охарактеризовать результаты его осуществления в музейной деятельности.

Уроженец пограничной территории современного Северного Казахстана и Сибири (станция Ямышевская Павлодарского уезда), Григорий Потанин с раннего детства был буквально погружен в океан азиатской культуры. Самые первые впечатления детства, которые помнились ему до преклонного возраста, связаны с Киргизской степью и ее обитателями. Он вспоминал, что в семье хранилось как реликвия письмо казахского хана Аблая к его деду, казачьему сотнику Илье Андреевичу Потанину. Письмо было заверено личной печатью хана, которую коптили на огне и притискивали к смоченной бумаге. «Мой детский ум был очень заинтригован этим отпечатком копыт, – много позже писал Г.Н. Потанин. – Я инстинктивно сознавал, что за этим отпечатком скрывается сложный мир, во всех подробностях непохожий на русский» [6. С. 23–24]. Во время обучения в Омском кадетском корпусе Григорий Потанин сблизился с Чоканом Валихановым, правнуком самого влиятельного в

Среднем жузе киргизского (казахского) хана Аблая, принявшего в 1739/1740 г. присягу на верность России. Позже Потанин вспоминал, как любил слушать рассказы Чокана «о киргизском быте» и как его увлекали их мечты о путешествиях «к далеким берегам Хуху-Нора и к вершинам Желтой реки» [6. С. 92–93].

Первый опыт путешествия по азиатским территориям был получен Григорием Потаниным сразу после выхода из кадетского корпуса: в 1852 г. он получил чин хорунжего Сибирского казачьего войска и отправился с отрядом казаков в Семиреченскую область, где в долине р. Алматы было задумано строительство русской крепости, ставшей вскоре г. Верным (совр. Алматы). 17-летний подросток, впервые оказавшийся в новой природной и социокультурной ситуации, Потанин был ею очарован, и это чувство еще более окрепло, когда через два года службы в Семиречье его командировали в пограничный китайский город Кульджу. Совершив длительный конный переход, небольшой казачий отряд оказался на перевале через хребет Алтын-Имель. И Потанину навсегда запомнился «контраст между холодной западной стороной Алтын-Имея и теплой и бесснежной восточной», когда ему показалось, что он «въехал вдруг в совершенно другой мир, ...более таинственный, чем пустыня Киргизской степи» [Там же. С. 64]. Пребывание Потанина в Кульдже не только не ослабило, но напротив еще более усилило очарование восточной культурой. Переведенный в 1856 г. на службу в Омск и прикомандированный к войсковому правлению Сибирского казачьего войска, Григорий Потанин получил задание разобрать архивы областного управления сибирских киргизов. Он с интересом разбирал и копировал документы XVIII в. о взаимоотношениях русских с киргизскими родоначальниками и с князьями Джунгарского ханства. Среди всего архивного обилия он отыскал очень заинтересовавшие его записи о джунгарских бурханах, о ламах Зундуе и Лаврыне и вскоре опубликовал их наряду с другими документами в московском журнале «Чтения в Обществе истории и древностях российских». Подборка документов, озаглавленная как «Материалы для истории Сибири», вышла в 1866–1867 гг., а в 2013 г. была переиздана в Томске, и в ней впервые обозначен интерес Потанина к буддийской культуре [7. С. 104, 166, 173, 174]. Думается, что имена буддийских лам, упоминания о бурханах ожили в памяти Потанина, когда он впервые оказался в Монголии. Правда, понадобилось более 10 лет, вместивших в себя отставку от военной казачьей службы, обучение в Петербургском университете, вступление в Императорское Русское географическое общество, опыты гербаризации и первые сибиреведческие публикации, участие в экспедиции под руководством астронома К.В. Струве по Тарбагатаю, преподавание в томских гимназиях, арест и обвинение в намерении отделить Сибирь от России, свеаборгскую каторгу и вологодскую ссылку, чтобы юношеские мечты о путешествиях по Востоку наконец стали реальностью.

В 1874 г. Григорий Николаевич Потанин получил освобождение из ссылки и был приглашен советом Русского географического общества совершить ученое путешествие по Монголии. После тщательной подготовки летом 1876 г. Потанин с небольшой группой сотрудников, в число которых входила и его жена Александра Викторовна, выдвинулся в Монголию. Перед ним ставилась комплексная задача естественнонаучного обследования райо-

нов российско-монгольского порубежья, а также составление карты пройденного пути. Но, выполняя все разнообразные задания по сбору минералов, растений, насекомых, животных, Г.Н. Потанин, можно сказать, ни на миг не забывал о своих буддийских интересах. Тем более, что ему встречались дотоле совершенно неизвестные в России буддийские памятники, о которых он сообщал в письмах своим адресатам. На первой же остановке в г. Булунь-Тохой, сделанной в августе 1876 г. после 14-дневного перехода по Монголии, случилось досадное происшествие. Блуждая по городу без проводника, путешественники заехали верхом в «священное место» – буддийскую кумирню и были атакованы монахами, которые ссадили их с коней и отправили для разбирательства к городским властям. Инцидент удалось уладить. Это происшествие заставило путешественников быть осторожнее, и на следующей остановке на р. Кран, недалеко от буддийского монастыря Шары-сумэ, резиденции Цаган Гэгэна, они проявили гораздо больше внимания к монгольским обычаям. Скорее всего тогда-то Потанин впервые увидел буддийский монастырь: это была полусотня низких глинобитных фанз, в которых жили ламы, в центре поселка возвышалось здание – резиденция настоятеля-гэгэна. Но и в Шары-сумэ к русским отнеслись недоброжелательно, в просьбе предоставить проводника отказали, обвинив в нарушении правил посещения монастыря [8. С. 57–59].

Конечно, все экспедиционное время занимали работы по выполнению заданий Географического общества, финансировавшего экспедицию, но постепенно, по собственному признанию Г.Н. Потанина, в нем «затихали русские интересы», и во время первой зимовки в Кобдо в 1876/77 г. он занялся «среднеазиатской этнографией» и стал собирать легенды. Сначала это были киргизские сказания, но достаточно скоро он связал свой интерес к древнему азиатскому эпосу с буддизмом и записал от монгола из рода Цаган Тук древнюю буддийскую легенду, в которой назывались по именам три божества – Эаган-Дарих, Ногон-Дарих, Хорикинз-Дарих [Там же. С. 76, 81–87]. Собирая и сопоставляя легендарные сведения, Г.Н. Потанин, как известно, приступил к разработке восточной гипотезы происхождения европейского средневекового эпоса, но, упоминая этот очень важный для Потанина аспект его исследований, мы все же констатируем формирование его буддийских увлечений. В письмах из Монголии он сообщал о буддийском монастыре вблизи Кобдо как о самом древнем храме мира и о том, что в нем – поясная статуя Таин-Тирхина. Тогда же Потанин получил первое изображение Таин-Тирхина, которое передал ему лама Дорчжи, служивший поваром в экспедиции. Он же познакомил супругов Потаниных с молитвами буддистов [Там же. С. 81, 94].

Главным, по нашему мнению, результатом первой монгольской экспедиции, завершившейся в декабре 1877 г., стало осознание Потаниным важности и возможности изучения ламаизма, как и некоторых других этнических культур Азии. Поэтому он обращался к вице-председателю Географического общества П.П. Семенову с предложением следующую экспедицию в Монголию сделать этнографической [Там же. С. 120]. Полностью отдаться этнографии не получилось, и все же в трех последующих экспедициях по Монголии и Китаю в 1879–1893 гг. (с перерывами), наряду с обследованиями флоры, фауны, геологии, географии и др. Г.Н. Потанин смог уделять гораздо больше внимания этнографии и фольклору, в том числе и буддийскому. Так, нахо-

дьясь в 1879 г. в Улангоме, он записал (с помощью переводчика) монгольскую былинку о сыне неба Ирин-Сайн-Гунын-Настай-Мекеле и духовный стих о Цаган-Дарэкэ (позже называемую Потаниным как Цаган-дара-экэ), легендарной матери Аю Бодисатвы [8. С. 193–202]. Впоследствии Потанин опубликовал все собранные материалы, в том числе и буддийские легенды, в 4-томнике «Очерки Северо-Западной Монголии», вышедшем в 1881–1883 гг.

По публикациям и воспоминаниям Г.Н. Потанина видно, что наибольший успех в постижении буддийской культуры пришелся на время самой продолжительной 3-й экспедиции по восточным провинциям Китая, Внутренней Монголии и Восточному Тибету. В мае 1884 г., прибыв в Китай на пароходе, Г.Н. Потанин и его спутники отправились в Утай, горную местность к юго-западу от Пекина. Поднимаясь вверх по долине, путешественники увидели, что вся местность вокруг «усеяна монастырями и кумирнями». В письме к секретарю Географического общества А.В. Григорьеву Потанин живописал увиденное: «Весь холм от вершины до подошвы покрыт зданиями и садами. Кроме этой центральной группы, состоящей из пяти монастырей, тут же ввиду их есть еще несколько других монастырей или кумирен, то расположенных при выходах ущелий, то на вершине высокой горы, то врезанных в гору на половине ее высоты. Другие скрыты в глубине ущелий, и, когда поднимаешься на какую-нибудь соседнюю гору, одна обитель за другой открывается то тут, то там по разным ущельям». По свидетельству Потанина, самый большой и богатый монастырь в Утае принадлежал монголам и назывался Пусасы, а несколько ниже его по склону холма стоял Шинтунсы, т.е. монастырь с медной кумирней. И далее невозможно не процитировать письмо Потанина об этом монастыре: «Медная кумирня есть самое замечательное здание в Утае; она вся состоит из меди; не говоря о статуях, жертвенниках, больших и малых башенках, как стоящих внутри кумирни около статуй, так и перед дверями кумирни, сама она составлена из медных плит или досок. Ее крыша и балкон вокруг крыши также медные. На досках, которые образуют отвесные стены кумирни, на той их стороне, которая обращена внутрь кумирни, отлиты небольшие изображения Будды, расположенные по несколько в одну горизонтальную строку. На каждой доске помещается около двадцати таких строк. Этот монастырь принадлежит китайцам и один из обширнейших в Утае» [9. С. 12–14].

Нужно сказать, что на всем протяжении экспедиции 1884–1886 гг. Г.Н. Потанин обязательно посещал встречавшиеся на пути буддийские монастыри и некоторые из них описывал в публикациях, отправляемых в сибирские газеты. По газетным статьям хорошо видно, что он стал настоящим этнографом. В корреспонденции в «Восточное обозрение» Потанин в подробностях описал свое пребывание в буддийском монастыре Унчжа-Сюме вблизи местечка Сань-чуань в горах Наньшаня, где путешественники провели первую зимовку. По приглашению ламы-художника Серена Потанин отправился в этот монастырь в сопровождении проводника Сантан-Джимбы. (А знакомство с Сереном произошло за два месяца до посещения монастыря, когда по заказу Потанина художник написал картину с изображением шаманского божества Цзуши.) В газетной публикации отмечалось, что разрушенный, по рассказам очевидцев, монастырь (ввиду розни мусульман и буддистов) постепенно возрождался. И глазам Потанина предстали главный храм,

или хурал, кельи ширетуй-ламы, настоятеля монастыря, и многочисленные кельи других монастырских служителей. Часть строений была воздвигнута, по словам Потанина, в стиле тибетской архитектуры, другие – китайской архитектуры.

Поселившись у Серена и его брата Лозына, Г.Н. Потанин в деталях описал их жилище, состоявшее из нескольких флигелей. Кроме кухни, спальни и мастерской, внимание Потанина привлекала особая комната, которую он назвал образной. По свидетельству наблюдателя, вся задняя стенка «чуть не до потолка заставлена киотами с изображениями богов». «Большей частью, – писал Потанин, – это были миниатюрные изображения; они имели самый разнообразный вид: были тут рисунки на бумаге, глиняные барельефы и, наконец, глиняные и бронзовые статуэтки; барельефные и писанные красками изображения напоминали очень наши иконы, статуэтки же в своих кубических стеклянных ящиках походили на птиц в клетках». И далее добавлена деталь, поразившая Потанина: «Самые двери, которые вели со двора в эту образную, были расписаны изображениями богини Кван-ин-пусы. Так как в ламайском Олимпе это мое любимое божество, то я не могу удержаться, чтобы не описать этих картин. На левой створке дверей Кван-ин-пуса представлена сидящей па берегу океана (нань-хай); у ее ног сидит Мечин-бакши; по волнам океана плывет черепаха с кувшином на спине; она везет Кван-ин-пусе арашан, т.е. напиток богов. Это уже второй кувшин; один кувшин доставлен ранее и стоит за спиной Кван-ин-пусы. Богиня сидит под тенью неизбежного бамбука, по которому я сразу и узнал ее» [10]. (Здесь нужно сказать, что буддийское божество, называемое Потаниным Кван-ин-пусой, в дальнейшем именовалось им как Гуань-ин-пуса, что было ближе к транскрипции китайского имени.)

Чуть позже после посещения Уньча-Сюме Потанин побывал в монастыре Кадан-Сюме в Амдо и подробно описал его внешний вид и внутреннее устройство. Монастырь был построен на скале, которая представляла «почти отвесную и голую поверхность». Поднявшись к монастырю по узкой тропинке, Потанин внимательно осмотрел и подробно описал все постройки монастыря: «На нижнем карнизе построено самое длинное здание, комнат из 6 в ряд, впереди которых проходит галерея, висящая над обрывом. Это здание, по-видимому, служит для приема гостей; в конце его монастырская кухня. Над этой гостиницей на следующей ступени находится хурал, или храм, в котором совершаются богослужения. Крыша гостиницы служит террасой, на которой совершается богослужение перед хуралом во время цамов (т.е. религиозных плясок). Внутренность хурала вытянута вдоль скалы; задней стеной его служит поверхность скалы, которая у основания образует выемку, или нишу, во всю длину хурала, клинообразно суживающуюся внутрь скалы. Эта ниша забрана легкой перегородкой, пилястры и фанерки которой покрыты резьбой и расписаны, отчего она выходит похожей на наши иконостасы. За этой перегородкой помещаются статуи богов. В перегородке проделано три квадратных окна, в которые и можно рассматривать собрание богов». И далее Потанин описал богов, стоявших «фронтом за перегородкой»: в среднем окне была установлена статуя бога Ртомба; в правом окне – Дже-рембучи. Кроме того, имелось несколько мелких статуэток, среди которых Потанин узнал «многоголового Арья-бало». Более всего путешественника поразило лежащее

тело, прикрытое желтой шелковой тканью, это был Шянба-лончжа, «спящий бог», или бог в нирване. Кое-как разглядев скрытую в темноте ниши статую, почитаемую как главную святыню монастыря, Потанин заключил, что скорее всего это «лежачая статуя, вырубленная в самой скале».

Над главным храмом, немного правее его, был устроен еще один, малый, храм, перед входом в который в небольшой капличке (т.е. молельне) было помещено лепное изображение богини Ногон-дарихе. Статуэтка высотой в 2 фута (что соответствовало примерно 60 см) была сделана с большим искусством. Богиня почиталась как покровительница детей, и перед ней часто молились бездетные женщины о даровании им детей [11].

Перезимовав в горах Наньшаня, весной 1885 г. члены потанинской экспедиции собрались в г. Синине и двинулись на юг. Там Г.Н. Потанин посетил буддийский монастырь Лабран, представлявший собой большое селение с 17 храмами, «богато украшенными статуями богов и утварью». В монастыре, который служил резиденцией гэгэна Джаян-Джапасына, проживало много монгольских и бурятских лам. Полгода спустя, в декабре 1885-го, экспедиция Потанина оказалась в китайском монастыре Пилинсы (по-тангутски Шянба-бумлын), расположенном на левом берегу Желтой реки (Хуанхэ). В монастыре, по рассказам его обитателей, проживало до 500 монахов, но ко времени посещения его русскими монастырь был в развалинах. Путешественникам оставалось только осмотреть высеченные в скалах многочисленные ниши, некогда наполненные статуями. Тем не менее удалось увидеть иссеченную в скале фигуру сидящего Шянбы примерно 20-метровой высоты.

Обследовав громадную территорию южной части Внутренней Монголии, супруги Потанины и их спутники подошли к монастырю Гумбум, где провели около трех месяцев второй зимовки. В статье, опубликованной в газете «Восточное обозрение», А.В. Потанина сравнивала Гумбум с небольшим уездным городом. Монастырские храмы выделялись особой архитектурой и яркой окраской, часто верхний этаж покрывался красной, а нижний – черной краской. Карниз, окружавший кровлю, украшался арабесками и резьбой, над фронтоном укреплялись золоченые вазы, которые ламы наполняли молитвами, записанными на бумажных листочках. Перед большими хурами стояли в ряд субурганы, белые памятники, основания которых напоминали, по словам Потаниной, крымское яблоко или грушу, а из них вверх поднималась колонна. Субурганы, нередко очень высокие, ставились в память о святых, и в Гумбуме, родине крупного буддийского мыслителя Дзункавы (Цзонхавы), было установлено 8 субурганов.

Супругам Потаниным и их спутнику, геодезисту А.И. Скасси, отвели в монастыре отдельный дом, все комнаты которого – стены, потолки, двери – были украшены рисунками и арабесками. Познакомившись с обитателями монастыря, путешественники отметили сложную социальную структуру, включавшую четыре группы лам: Тенкур, Мамба, Чорова и Джютба. Первые – гадалы, они указывали на счастливые и несчастные дни, хорошие или дурные для начала какого-либо дела. Ламы-мамба – медики, они собирали лекарственные травы и лечили больных. Члены ордена Чорова изучали писание, устраивали публичные диспуты. Самым многочисленным и влиятельным в Гумбуме был орден Джютба, члены которого занимались исключительно молитвами, созерцанием и чтением книг тарни. Они придерживались строгого

режима: начинали молитвы еще до восхода солнца, принимали пищу только один раз в день, ходили по монастырю исключительно один за другим, не оглядываясь по сторонам.

Первой среди этнографов А.В. Потанина описала костюм буддийских монахов: все ламы, по ее наблюдениям, одевались в платье особого покроя, внизу белая юбка, сверху – красная, торс прикрывался безрукавным камзолом. На открытые руки и шею накидывалось бумажное пунцовое покрывало в пять аршинов в длину и два аршина в ширину. Правда, богатые ламы могли носить покрывала из грубого сукна, а бедняки мерзли в тонких бумажных накидках. Направляясь в хурал к богослужению, ламы одевались в желтую мантию, покрывали головы желтым колпаком, а к поясу подвешивали карман, в котором хранили сосуд со святой водой [12].

Проведя в экспедиции два с половиной года, ее участники возвратились в Россию в ноябре 1886 г., выполнив все задания по маршрутной съемке пройденного пути, гербарным и геологическим сборам. Самыми важными наверняка были этнографические материалы, письменные и вещественные памятники этнокультурного наследия Монголии и Тибета. В Иркутске, Томске, Петербурге Г.Н. Потанина «встречали, как человека, совершившего научный подвиг», его наградили Константиновской золотой медалью, а его жену А.В. Потанину – малой золотой медалью Императорского Русского географического общества [2. С. 87–90]. Все собранное в 3-й экспедиции было систематизировано и опубликовано в 2-томном издании «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие 1884–1886 годов», вышедшем в Петербурге в 1893 г.

В марте 1887 г. Г.Н. Потанин был назначен правителем дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества, одновременно руководил Иркутским музеем, входившим в состав отдела. Современные исследователи напрямую связывают расширение этнографических сборов в музее с организаторской деятельностью Потанина как руководителя [13. С. 91]. Сам он летом 1888 г. совершил поездку по Забайкалью, откуда доставил в музей «значительное количество предметов буддийского культа», как об этом сообщалось в иркутской прессе. В сотрудничестве с преподавателем Иркутской духовной семинарии священником И.А. Подгорбунским Г.Н. Потанин привлек многих сибирских коллекционеров и организовал в Иркутском музее первую в его истории выставку, собрав на ней более 560 музейных предметов, всесторонне характеризовавших буддийскую культуру. Открывшаяся 28 декабря 1888 г. буддийская выставка стала для иркутян большим культурным событием, ее посетили без малого 700 человек, в их числе генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев, чиновники, купцы, учителя и ученики иркутских школ. О выставке не раз писали в сибирских газетах.

В отборе музейных предметов и в построении выставки проявились глубокие знания буддизма и собственные впечатления Г.Н. Потанина от посещения монастырей. В экспозиции, по сути, был воспроизведен внутренний облик монастырей, которые Потанин не раз внимательно осматривал. По публикации в «Восточном обозрении» выставка представляла собой следующее: «От самых колонн арки, отделяющих зал от передней комнаты, почти вдоль середины всего зала, раскинут громадный стол (шириной почти в сажень и длиной 18 аршин), декорированный по бокам желтой материей (свя-

щенный цвет буддистов), расписанной тибетскими узорами. Посередине стола на особых шестах в последовательном порядке развешаны изображения богов буддийского пантеона на фонах из шелковых материй, которые и разделяют стол на две половины. Против развешанных рисованных изображений размещены их статуи». Кроме того, в выставочном зале была воссоздана буддийская кумирня: под балдахином перед божницей был устроен жертвенник с расположенными в должном порядке священными предметами [14].

Главным итогом выставки стала, на наш взгляд, подготовка каталога, издание которого сохранило и донесло до наших дней информацию и о выставке, и о коллекционерах буддийских предметов. Сам Потанин в письме к Н.М. Мартыанову не без иронии писал: «Возившись с выставкой, я перезнакомился с предметами и бурханом – и то польза, и даже большая собственно для меня» [9. С. 101].

«Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам», опубликованный в Иркутске в 1888 г., давно ставший библиографической редкостью, был подготовлен к переизданию и ныне вполне доступен во 2-м выпуске «Музееведческого наследия Северной Азии» [15]. В каталоге буддийской выставки, первой подобной в России, все предметы, видимо, в соответствии с планом выставки, распределены по четырем отделам, а внутри каждого отдела – на разделы и группы памятников духовной и материальной культуры буддизма. К каждому из четырех отделов, а также к более дробным разделам и подразделам обязательно предпосланы вступительные тексты, раскрывающие духовное значение экспонатов. Авторские пояснения, касающиеся происхождения и назначения экспонированных предметов, выявляют глубокое проникновение организаторов выставки и прежде всего Г.Н. Потанина в буддийскую культуру. Каждому выставочному экспонату дано его название, приведено описание внешнего вида, указаны размеры, материал изготовления, место бытования или приобретения.

Составители каталога обязательно указывали название музея или имя коллекционера, предоставившего экспонируемый предмет. По этим данным видно, что самая крупная коллекция буддийской культуры хранилась в Иркутском музее, а среди коллекционеров и жертвователей музейных коллекций значился и Г.Н. Потанин. Ему принадлежали на правах собственности икона на холсте пекинской работы с изображением Арья-бало, миниатюрная бронзовая статуэтка Ногон-дара-экэ (приобретенная в монастыре Гумбум), бронзовая статуэтка Зункабы, две лубочные картины с изображением дерева Галбарсын-модо и черепахи, на спине которой написана мистическая фигура па-гуа. Кроме того, в каталоге перечислено более 20 экспонатов из фондов Иркутского музея, доставленных Г.Н. Потаниным: глиняный медальон с изображением Шакьямуни, глиняный позолоченный медальон, изображающий Арья-бало, бронзовая статуэтка Ногон-дара-экэ (высотой 14,5 см), статуэтка Гуань-ин-пусы, две картины на шелковой ткани с изображением Гуань-ин-пусы и икона на холсте, также изображавшая Гуань-ин-пусу, глиняный медальон «Улан-сакиус», два металлических стержня для богослужения «Вачир» (доставленные из тибетской провинции Амдо), курительная свеча «Куджи», футляр для ношения изображений божеств на груди «Бурханэ-гу», Хиймори (разноцветные флаги, на которых отпечатаны молитвы), 6 храмовых медалей с изображением 12 циклических животных или иероглифов,

ветряные молитвенные мельницы Лун-кор, доставленные из Амдо, и Курдэ, а также хабчик – деревянные дуги богомольцев-странников для переноски их имущества [15. С. 24–78]. Как видно по каталогу, потанинская коллекция в большей своей части формировалась за счет приобретений в буддийских монастырях, в них же были почерпнуты сведения о назначении и использовании собранных предметов. Важно отметить, что в Иркутском областном краеведческом музее до наших дней сохранились некоторые буддийские предметы, собранные Г.Н. Потаниным, в частности, скульптура Гуань-ин-пусы, навершие посоха докшита и китайская гадательная палочка. Их фотоизображения были переданы в Томск в 2015 г. по запросу Э.И. Черняка [4. С. 69].

Известно, что в 1890 г. Г.Н. Потанин, собираясь в свою последнюю китайскую экспедицию, уехал из Иркутска, но, судя по всему, интереса к буддизму не утратил. Так, находясь в Пекине в конце 1892 г., он приобрел буддийскую икону, дальнейшая судьба которой пока не выяснена [16. С. 18]. Кроме того, как раз в Пекине он осмотрел три буддийские коллекции, самая крупная из которых принадлежала сибиряку Н.И. Гомбоеву (участнику буддийской выставки в Иркутске в 1888 г.). Осматривая коллекции, Потанин особо отмечал то, чего не хватало в буддийском собрании Иркутского музея, и подготовил публикацию в «Известиях Восточно-Сибирского отдела» специально для того, чтобы она «послужила пособием при пополнении иркутской буддийской коллекции» [17].

В июле 1893 г. Г.Н. Потанин писал Д.А. Клеменцу (занившему по рекомендации Потанина пост правителя дел Восточно-Сибирского отдела): «В течение двух месяцев я с Александрой Викторовной жил в Тарсандо, коллектируя в его ближайших окрестностях. Легенд и сказок собрал мало. За все это время у меня был всего только один рассказчик, которого мы и доили усердно. Приобрел новый список Гэ-сэра на тибетском языке; называется Ронгчжу, но добыть рукописи не мог; удалось только записать около шести рассказов из этого сборника из уст рассказчика... Для иркутского музея купил костюм тибетский: два халата, верхний и нижний, оригинальную местную шапку, сапоги, серьги, две сабли, петли к поясу для привешивания ключей, ножа и пр.». И далее добавлял: «В прошлом письме я просил, не отпустит ли комитет небольшую сумму из думской субсидии на доведение коллекции буддийских храмовых принадлежностей в Иркутском музее до большей полноты. Я знаю пробелы и во время пребывания в Китае мог бы приобрести, чего недостает. Пляшущих лхамо, т.е. небесных дев, я приобрел – заказал нарисовать» [9. С. 233–234].

В путешествии по Восточному Тибету в 1893 г., когда в состав экспедиционной группы вошел бурят Будда Рабданов, Потанин продолжил свое знакомство с буддийскими монастырями. Убежденный буддист, Рабданов сопровождал Г.Н. Потанина в поездке к одному из трех главных священных мест Китая – горе Омишань. Они заночевали в буддийском монастыре, и вместе с Рабдановым Потанин участвовал в буддийском богослужении, о котором впоследствии писал: «Пропев еще три-четыре колена, монахи слились в одну колонну по два человека в ряд и стали кружить по храму. Колонна змееобразно двигалась, имея во главе настоятеля монастыря. Монахи пели: текста никакого не было, бесконечно только повторялось имя божества: О-ли-тофо. Это заключительное пение подняло дух Будды Рабдановича, и ему хотелось

вместе с монахами: он пристал к заднему концу колонны и пошел вместе с нею, громко напевая: О-ли-тофо! О-ли-тофо!» [18. С. 115–116].

Тяжело переживая смерть жены Александры Викторовны, последовавшей 2 октября 1893 г., Г.Н. Потанин прервал 4-ю экспедицию и в дальнейшем совершал лишь кратковременные поездки по Монголии, Алтаю, Казахстану. Все свое внимание он сосредоточил на сборе, систематизации и публикации фольклора народов Северной Азии. Известно, однако, что, поселившись в 1902 г. в Томске, Г.Н. Потанин сотрудничал в Археологическом музее Императорского Томского университета и, наряду с другими работами, занимался определением (атрибуцией) большой буддийской коллекции, подаренной университету бийским купцом А.Д. Васеневым. По сведениям Т.В. Родионовой, Потанин составил опись этой коллекции, которая, к сожалению, пока не обнаружена [19. С. 182].

Завершая статью, но не изучение поставленной задачи, мы можем с уверенностью говорить о том, что исследование буддизма занимает важное место в научном багаже Григория Николаевича Потанина. А его работы по собиранию, обработке и экспонированию артефактов буддизма заложили основы музеефикации памятников буддийского наследия России.

### Литература

1. Обручев В.А. Г.Н. Потанин. Жизнь и деятельность. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 281 с.
2. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск : Наука, 1991. 231 с.
3. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск : Изд. дом «Сова», 2004. 244 с.
4. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.
5. Дмитриенко Н.М. Григорий Николаевич Потанин как историк Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 72–80.
6. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири / гл. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–327.
7. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 312 с.
8. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1989. Т. 3. 296 с.
9. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1990. Т. 4. 428 с.
10. Потанин Г. Два дня в буддийском монастыре Уньча-Сюме // Восточное обозрение. Иркутск, 1885. 8 авг., № 32.
11. Потанин Г. Кадан-Сюме, ламайский монастырь в Амдо // Сибирская газета. Томск, 1885. 7 июля, № 27.
12. Потанина А. Гумбум, монастырь зонкавистов // Восточное обозрение. Иркутск, 1886. 3, 10 июля, № 27, 28.
13. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2(14). С. 91–93.
14. П-н Д. Выставка предметов буддийского культа в Иркутске // Восточное обозрение. Иркутск, 1889. 1 янв., № 1.
15. Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 2: Труды музееведов последней трети XIX – первой трети XX века / Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, А.Д. Дементьев, И.А. Голев, С.Е. Григорьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 252 с.
16. Потанин Г.Н. Очерк путешествия в Сы-Чуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 годах. СПб., 1899. 74 с.

17. Потанин Г. Коллекция буддийских храмовых предметов в Пекине // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1893. Т. 24, № 1. С. 43–50.

18. Потанин Г.Н. Воспоминания (окончание) // Литературное наследство Сибири / гл. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 35–150.

19. Родионова Т.В. Вклад Г.Н. Потанина в формирование и развитие музея археологии и этнографии ТГУ // Томские музеи: сб. документов и статей. Томск, 2010. С. 181–187.

**Nadezhda M. Dmitrienko**, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vassa.mv@mail.ru

**Ivan A. Golev**, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ivan.golev.2016@mail.ru

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2020, 38, pp. 218–229.

DOI: 10.17223/2220836/38/20

#### ABOUT GRIGORIY POTANIN'S BUDDHIST COLLECTION

**Keywords:** G.N. Potanin; museum science; collecting; memorials on Buddhist culture.

The authors of this article dedicated their work to anniversaries of outstanding Russian researcher Grigoriy Potanin – 185 years since his birth and 100 years since his death. For the first time in the research literature, the article examines activities of Potanin as a collector and scientist expert of Buddhist subjects. The authors studied the process of the origin of Potanin's interest in Eastern culture. It is known, that he was born in 1835 in the Cossack stanitsa of Yamyshvetskaya on the Russian-Kazakh border. His grandfather kept as a relic a letter of Kazakh Khan Ablay. It is important to say, that during studies at the Omsk Cadet Corps, Grigoriy Potanin made friends with Ablay-Khan's great-grandson Chokan Valikhanov. Friends dreamed of traveling to the eastern countries. However, on the way to the realization of this dream Potanin met many obstacles. His dream began to come true in 1876, when he went on his first scientific expedition to Mongolia. Working in this expedition, Potanin got the first opportunity to explore Buddhist monasteries, began to record Buddhist as well as other Asian legends. During the following decades, Potanin made major scientific expeditions to Central and North Asia. He fulfilled the tasks of the Imperial Russian Geographical Society, studied the geology, flora and fauna of Mongolia, Eastern China, Northern Kazakhstan. At the same time, he collected legends and cultural artifacts of Buddhism. Potanin visited many Buddhist monasteries in China and Mongolia, communicated with lamas and gained a deep knowledge of Buddhist culture. In 1887, Grigoriy Potanin became the ruler of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, and he was the head of the Irkutsk Museum simultaneously. Together with the Orthodox Priest I.A. Podgorbunskiy Potanin organized an exhibition of Buddhist objects, and it was the first exhibition in the history of the Irkutsk Museum. He attracted Siberian collectors to the exhibition and exhibited his own collection of Buddhist objects. In 1888, the organizers of the Buddhist exhibition published a catalogue, which included describing of 560 exhibits. This catalogue has been a bibliographic rarity, but it was republished at Tomsk State University in 2019, and became available. The catalogue of the Buddhist exhibition contains important information on the memorials of spiritual and material culture of Buddhism, and it has not lost its scientific significance today. All of that helps the authors of the article refer Potanin to one of the first Russian researchers of Buddhism. Therefore, it is quite reasonable to believe that Potanin was the first Russian investigator who organized the acquisition of Buddhist artifacts and transformation them into museum subjects.

#### References

1. Obruchev, V.A. (1947) *G.N. Potanin. Zhizn' i deyatel'nost'* [G.N. Potanin. Life and activity]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) *G.N. Potanin: opyt osmysleniya lichnosti* [G.N. Potanin: understanding the personality]. Novosibirsk: Nauka.
3. Shilovsky, M.V. (2004) *"Polneyshaya samootverzheniya predannost' nauke". G.N. Potanin: biograficheskiy ocherk* ["The utmost selfless devotion to science". G.N. Potanin: A biographic essay]. Novosibirsk: Sova.
4. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2016) G.N. Potanin's contribution to Siberian museum science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 67–76. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/10

5. Dmitrienko, N.M. (2016) Grigoriy Nikolayevich Potanin as a historian of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 72–80. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/11
6. Potanin, G.N. (1983) Vospominaniya [Memoirs]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. pp. 22–327.
7. Dmitrienko, N.M. & Rodionova, T.V. (2013) *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoy retrospektive XVIII v. (po dokumental'nyim publikatsiyam G.N. Potanina)* [Northern Kazakhstan and Siberia in a historical retrospective of the 18th century (according to G.N. Potanin's documentary publications)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Potanin, G.N. (1989) *Pis'ma G.N. Potanina* [G.N. Potanin's letters]. Vol. 3. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Potanin, G.N. (1989) *Pis'ma G.N. Potanina* [G.N. Potanin's letters]. Vol. 4. Irkutsk: Irkutsk State University.
10. Potanin, G. (1885a) Dva dnya v buddiyskom monastyre Un'chzha-Syume [Two days in the Buddhist monastery Unzhzha-Sume]. *Vostochnoe obozrenie*. 8th August.
11. Potanin, G. (1885b) Kadan-Syume, lamayskiy monastyr' v Amdo [Kadan-Sume, Lamaisky monastery in Amdo]. *Sibirskaya gazeta*. 7th July.
12. Potanina, A. (1886) Gumbum, monastyr' zonkavistov [Gumbum, Zonkavist monastery]. *Vostochnoe obozrenie*. 10th July.
13. Rodionova, T.V. (2011) G.N. Potanin and the museum of East-Siberian development of imperial Russian geographical society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(14). pp. 91–93.
14. P-n, D. (1889) Vystavka predmetov buddiyskogo kul'ta v Irkutske [Exhibition of Buddhist cult objects in Irkutsk]. *Vostochnoe obozrenie*. 1st January.
15. Dmitrienko, N.M., Chernyak, E.I., Dementiev, A.D., Golev, I.A. & Grigorieva, S.E. (2019) *Muzevedcheskoe nasledie Severnoy Azii* [Museum Heritage of North Asia]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State University.
16. Potanin, G.N. (1899) *Ocherk puteshestviya v Sy-Chuan' i na vostochnuyu okrainu Tibeta v 1892–1893 godakh* [A trip to Sy-Chuan and the eastern outskirts of Tibet in 1892–1893]. St. Petersburg: [s.n.].
17. Potanin, G. (1893) Kolleksiya buddiyskikh khramovykh predmetov v Pekine [Collection of Buddhist temple objects in Beijing]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 24(1). pp. 43–50.
18. Potanin, G.N. (1986) Vospominaniya (okonchanie) [Memoirs (final)]. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. pp. 35–150.
19. Rodionova, T.V. (2010) Vklad G.N. Potanina v formirovanie i razvitie muzeya arheologii i etnografii TGU [G.N. Potanin's contribution to the formation and development of the Museum of Archeology and Ethnography of TSU]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Tomskie muzei* [Tomsk Museums]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 181–187.